

АЛЕКС РЫБАК

БОЛЬ
СБОРНИК РАССКАЗОВ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Алекс Рыбак

Боль. Сборник рассказов

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Рыбак А.

Боль. Сборник рассказов / А. Рыбак — «ЛитРес: Самиздат»,
2019

Боль сопровождает человека с его рождения и проходит с ним бок о бок всю жизнь, даже если он не замечает этого. А вы уверены, что сможете противостоять этой боли? Автор приоткрывает тайны и говорит о том, что не многие могут сказать. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Спайс	5
Холодные слёзы	8
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Спайс

Смеркалось. Алекс сел на диван. Тот отчаянно заскрипел и впился пружиной прямо ему в ягодицу. Он вскочил и подтянул сползшие штаны. "Что-то я схуднул", – Алекс ловко свернул самокрутку и сунул между зубов, скучавших не только по стоматологу, но и зубной щётке. – "Курите спайс – и всё будет как у меня". Он хрипло рассмеялся, не отпуская косяк, и одним движением головы откинул закрывавшую пол-лица чёлку.

Первая затяжка. Яркий свет ослепил Алекса, пробившись сквозь едкий дым спайса. Свежий ветер шевелил засаленные волосы. Он улыбнулся и уместил свой грязный зад прямо в траву. Раздался хруст ломающегося горшка. Алекс ощутил, как осколки вонзаются ему в ягодицы. Он оглянулся. Поляна. Вокруг белёсый туман, словно молочный кисель, который он с детства ненавидел, но тот упорно варила бабка Тома по пятницам. Яркое пятно света. Корова... Корова? Она в упор посмотрела на Алекса и подмигнула. Сзади заржали. Алекс почувствовал, как челюсть открылась, оголив набухший язык. Немигающими глазами он осмотрелся. В тумане блуждали тени. Брат... Жена... Алекс прищурил глаза, пытаясь рассмотреть тех, кто там смеялся.

Из тумана вынырнула его бабка Тома, испутившая дух прошлой осенью. Вращая слепыми глазами во впавших глазницах, она приближалась к нему. Хриплый смех вырывался прямо изнутри широко открытого беззубого рта.

– Не ждал, внучок? – бабка коснулась его лица когтистыми пальцами, с которых свисали остатки кожи, оголив кости. – А мы с Маруськой, – она кивнула на корову, – соскучились. Как квартира моя? Нравится?

Алекс замотал головой, всё ещё не в силах закрыть рот и моргнуть хоть одним глазом. На него пахло землёй, оставляя послевкусие тухлятины. Он попытался оттолкнуть бабку.

– И мне она нравилась, пока моя очередь не пришла, – старуху затрясло, будто в предсмертной агонии. – Ты хотел моей смерти, да? Но убить не решался. Сам мучился и меня в могилу толкал, – она замерла. Вдруг рука взметнулась, скидывая с себя куски тухлого мяса, словно лишнюю одежду. Бабка провела ею в воздухе, и туман послушно рассеялся, открывая распахнутое окно спальни. – Посмотри... – зашептала старуха. – Это твой шанс остановить разложение, – внизу, словно черви в чернеющем трупe, мельтешили люди, хмурые пятиэтажки казались слишком низкими даже для того, чтобы покончить собой. Он отшатнулся.

– Это ты испортила всю нашу жизнь после смерти отца! Ты виновата в том, что мать умерла! Спилась и умерла! Я потерял всё! – Алекс бросал свои слова, словно горящие угли. Он хотел прожечь её шкуру, добраться до её мозга, души, если она там есть. Сжечь её твердолобость и упрямство. Он хотел, чтобы бабка хоть на мгновение признала свои ошибки. Но даже сейчас, после смерти, она думает, что права... бабка усмехнулась.

– Ошибаешься, внучок, – зашепелявила старушка и, словно чеширский кот, исчезла в тумане. Алекс плюхнулся на высокий табурет, возникший вместо бабки.

– Ошибаешься... – прозвучал голос справа. Голова Алекса, будто на пружине, повернулась, и он уткнулся в нос коровы. Та широко улыбнулась. На Алекса пахло жённым сеном, смешанным с дерьмом.

– М-м-м, – Алекс дёрнулся вперёд и укусил корову за морду. Та заржала, будто лошадь. – Что ты, корова, можешь знать?!

– Ошибаешься... – на этот раз прозвучало отчётливее. – Я знаю многое, – корова многозначительно взглянула на Алекса и снова подмигнула ему.

– Это бабка хотела много денег и отправила мать на заработки! Она её пилила! А мы бы и так прожили, – Алекс вскочил на ноги. Глаза его бешено вращались, по подбородку текла слюна, на скулах ходили желваки. – Если бы она не поехала, то была бы жива! – Алекс сжал

кулаки. Он изо всех сил старался защитить мать. Её образ, постоянно мелькавший в его снах и галлюцинациях, неизменно светлый и добрый, он не собирался отдавать для измывательств какой-то корове.

– Твоя мать взрослый человек, она сама приняла решение, – корова флегматично отщипнула траву под ногами.

Ненависть огромной волной поднялась из середины живота и накрыла Алекса всего, без остатка. Он схватил табурет, замахнулся и бросил его возле коровы.

– И я не какая-то, – промычала корова, отщипнула ещё немного травы и уставилась вдаль. Алекс от злости и бессилья сжимал кулаки. – Ну, давай, попробуй... – подначила его корова, даже не поворачиваясь к нему. Именно сейчас эта корова ему напомнила бабушку Тому.

Алекс подскочил и, размахнувшись, обеими руками изо всех сил ударил по корове. В тот же момент его нос упёрся в мокрую траву, с запахом зассаного ковра. Алекс вскочил, прихватив табурет. Коровы не было. Озираясь по сторонам и вращая головой, будто взбесившимся флюгером, он разбил табурет и пнул диван, тот издал сдавленный скрип. Волна схлынула, и Алекс свалился на пол. Осколки горшка вонзились в спину. Он заорал. Откатиться в сторону не успел, как сверху из тумана возникла корова.

– Ты просрал свою жизнь. Тебе седой сколько шансов давал? – мычала корова, всё сильнее вдавливая Алекса в осколки, напоминавшие ему о его поломанной жизни. Её голос до этого флегматичный и отрешённый внезапно стал визгливым, будто вилкой скребли по стеклу. – Ты что с этим сделал? – смрад изо рта коровы становился невыносимым, как и её разговоры. – Ты жизнь спустил в унитаз! – корова ткнула ему копытом в лоб. – Не ищи виноватых. Работай! Твой младший брат всего достиг сам.

Корова растворилась в тумане, как и бабка до этого.

– Я хочу домой!

Алекс забился под перевернутый диван, обхватив лицо руками. По щекам текли слёзы. Его сердце разрывалось на части, источая кровь. Он умер? Когда он умер?

– Я хочу домой!

Яркое солнце ослепляет. Лёгкий майский ветерок теребит его шевелюру. Ему семь. Он бежит домой со школы. Сегодня вернётся мама из поездки. Он уже три дня готовил ей сюрприз. Ночами. Чтобы никто не видел.

– Я хочу домой!

Дома слезливые тётки. «Мама больше никогда не вернётся», – бабка Тома обняла его за плечи и отвернулась. Больше ничего. Ни одного слова.

– Я хочу домой!

Он метался, вглядываясь в посторонние мрачные лица, пытаясь понять, почему нет мамы. Но никто не смотрел в глаза. Все отворачивались. А потом. Странное слово «кладбище». Нет, оно не было страшным, пока он не узнал, что ЕЁ туда увезли навсегда. «ПОЧЕМУ, МАМА? Мама, я тебя люблю!!! Мама, я буду хорошо себя вести, только вернись мамочка!» – он метался, пытаясь попасть в автобус. Но взрослые тётки, словно торопясь успеть купить колбасу до обеда, протискивались, отталкивая его.

– Мама, я иду к тебе! – Алекс вскочил на ноги и бросился к тому месту, где ещё недавно было окно. Стена. Туман мешал зрению. Алекс закрыл глаза, вдохнул полной грудью и, почувствовав свежий воздух, ринулся влево.

Толчок. Под Алексом разверзлась тёмная яма, кишачая червями. То тут, то там вспыхивали искры, будто именно в этот момент сгорала чья-то душа, взрываясь, словно петарда под камнем.

Далеко в молочном тумане, стоя в загоне, корова пережевывала траву. Вокруг блуждали тени людей. Ушедших людей, но не нашедших покой.

– Так. Сегодня спайс для неудачников и нытиков... Маруся, сколько можно? – рогатый хозяин нехотя взял совковую лопату, стоявшую в углу, и выгреб из-под коровы свежую кучу дерьма.

Корова, не обращая внимания на ворчание, флегматично вглядывалась в тени, придумывая новый сон для травы. Но в голову, кроме избалованных и не желающих пахать нытиков, ничего не приходило.

"Эх, сгорела я на работе", – подумала корова. – "Отпуск хоть бы дал, изверг". Она украдкой бросила взгляд на хозяина. Тот сидел за фасовочным столом, пакуя дерьмо по пакетикам.

– Кстати, хороший ход, Маруся! – хозяин развернулся и посмотрел на корову. – Твои походы в людские глюки улучшили нашу статистику. Васька с Оборвышем в этом месяце в самом хвосте по количеству душ. Ещё Митяя обгоним, нам Сам премию выпишет.

Чёрт мечтательно отвернулся к столу и запел «Танец маленьких утят». Корова перестала жевать и тоскливо замычала, будто заплакала по неприкаянным душам.

Холодные слёзы

За окном светало. Первый солнечный луч прорезал скорлупу комнаты, робко ощупал потолок, скользнул по свежееклеенным стенам и остановился на большом свадебном портрете – единственном украшении стены. Нина, лёжа в кровати, наблюдала рождение света каждый день, хотя Витя и сегодня ушёл на смену, не разбудив. Она потянулась, касаясь кончиками пальцев металлического остова изголовья. Бодрящий холодок пробежал по мышцам и замер в груди. Нина провела руками по постели, будто хотела убедиться, что уже давно одна, поднялась и опустила ноги, нащупывая калоши, сбежавшие под кровать.

Снаружи оглушительный звук забиваемых свай пронзил тишину, а из окна потянуло влажным бетоном и сыростью. «До города же не меньше десятка километров», – Нина прижала руки к груди и оглянулась. Яркий свет исчез. Лёгкий тюль превратился в тёмные давно нестиранные тряпки. «Бамм! Бамм!» – звук врывался в дом, разбивался о стены и тысячами осколков вонзался в голову. Нина закусил губу, на мгновение показалось, что она падает в огромную яму. Она вцепилась в матрац, но мрак уже вытянул щупальца из-под кровати, пытаясь схватить её и утянуть на самое дно, будто ждал все эти дни, следил, выжидал момент. Нина сделала несколько глубоких вдохов. Сердце забило медленней. Она оглянулась. На окнах снова развевались белые занавеси, а яркое солнечное утро уже врывалось во все комнаты, освещая каждый уголок и огромные поля вокруг дома.

Смахнув очередное наваждение, как надоедливое клеща, столь же опасное и гадкое, Нина накинула ситцевое платице и, повязывая белый платок на голову, прошла на кухню. Ещё немного, и встанут дети. При воспоминании о них Нина улыбнулась, а сердце запело: «Я не одна! У меня есть дети! Мои дети!» Весело напевая, она замесила тесто на блины. Старая чугунная сковородка, добытая у бабки Тома, когда они ещё только переехали, задорно шкворчала маслом на огне.

– Оля! Вставай! В школу опоздашь, – крикнула она дочери, спавшей в смежной комнате. На комодке стоял огромный букет разноцветных астр, упакованный в газету. «Вот и первое сентября. Выросла дочь-то», – нежность заполнила её всю до самых кончиков пальцев, а на глазах словно выпала роса.

– Ой, ма, а солнце-то жарит! – Оля выскочила в одних трусиках. Следом за ней, натирая руками глаза, плёлся младший брат.

– А ну быстро к умывальнику, – Нина подхватила сына на руки, будто он ничего не весил, и крепко сжала его, словно боялась опять провалиться в один из своих кошмаров.

На столе уже стояла стопка блинов, призывно источая аромат. Нина подвинула тарелки и смахнула пот со лба передником, наблюдая, как дети налетели на любимое угощение. Оля проворно подцепила пяток вилок и тянула к себе в тарелку, а Вовка, сгорая от нетерпения, тоже вцепился в блины.

– Вовка, да погоди ж ты, – бубнила Оля и, насупив брови, поглядывала на брата.

– Я тозе хоцу! – Вовка пыхтел, пытаясь стянуть себе хоть один блин, от натуги между бровей пролегла складка, а язык высунулся наружу.

Нина, смеясь и приговаривая, раздала блины и села рядом пить чай. Часы пробили семь.

– Оля, поторопись, до школы ещё итить и итить. Вовк, собирайся, сестра-то твоя в первый класс идёт, – Нина смела со стола посуду и бросила её в таз. Времени на мытьё уже не оставалось.

– Да, мам, – Оля натягивала белую рубашку, перешитую из старой отцовской. Нина снова не удержалась и улыбнулась, глядя на дочь: «Как же выросла! Ещё десять лет и институт».

Наконец все были готовы.

– Мам, а можно я с девчонками после школы на речку схожу, а? – Оля взяла за руку и заглянула прямо в лицо. Неожиданно в её глазах Нина увидела свет больничных ламп, хлеставший по глазам. Он будто хотел вцепиться в неё электрическими когтями, содрать кожу, проникнуть прямо внутрь живота и улечься там клубочком, согревшись в тёплой крови. Сердце в груди скукожилось. Мрак снова протянул щупальца и схватил за кишки, вытягивая их по одной. За окном послышался знакомый бой: «Баммм! Баммм!» – Нина тонула. Тонула в звуках, в темноте, сердце стало холодным, и вся невыплесканная детям любовь превратилась в огромный кусок льда, острыми краями разрывавший сердце.

– Мамочка, не волнуйся! Всё будет хорошо! Мне не страшно, помнишь, ты ходила к врачу, и теперь мне ни капельки уже не страшно... я люблю тебя, – голос дочери доносился будто из-за стены, из далёкого прошлого, когда она лежала под наркозом у гинеколога.

Нина села в кресло. Оно скрипнуло поломанной в многочисленных переездах ножкой, будто просило пожалеть его хоть немного. Ведь время нас не жалеет.

«Баммм! Баммм!» – свай забивали всё ближе и ближе. Нина вздрогнула и открыла глаза. Охваченные подагрой руки не хотели сжиматься. Холод проникал под сморщенную кожу, замораживая вены и останавливая кровь. Нина приподняла бровь и обвела помутневшим от времени взглядом комнату, больше похожую на отсыревший подвал. Занавески, не покидавшие свой пост уже лет тридцать, стыдливо прикрывали мутные стёкла, местами заклеенные газетами. Сверху свисали отклеившиеся обои, будто призраки прошлого показывали языки и насмехались над нею. Трещина вдоль одной стены дома надрывно хихикала, выдыхая в комнату серый промозглый вечер. Шум дождя саднил в горле простывшей печи, казалось, она вот-вот раскашляется чёрным туберкулёзным дымом, выплёвывая кровь на вытертый палас.

Нина, нащупав рукой клюку, приподнялась с кресла. Оно жалобно застонало, будто напоминая ей о своём возрасте, а потом хрустнуло подломленной ножкой. Послышался стук. Нина посмотрела на дверь, будто та скрывала от неё правду много-много лет, и с надеждой в голосе выдавила:

– Иду-иду, – звук получился тихим, словно шуршание газеты. Она поплелась к выходу, придерживая пуховый платок, нежно называемый телогреечкой. В коридоре скрипнуло.

«Неужто Витька вернулся?» – мелькнула мысль, но Нина мотнула головой, будто стряхивая наваждение, и, взглянув на свадебный портрет, единственный в этом доме, перекрестилась. Платок съехал на пол, а по спине пробежал холодок. «И чего тебе не спится-то там! Столько лет прошло, всё душу бередить», – пробормотала Нина, побряхтывая, наклонилась за платком, и поковыляла дальше.

– Кто? – Нина, прислушиваясь, наклонилась к двери. Молчание. Даже звук забиваемых свай прекратился. Она потянула дверь на себя, но ржавые петли и покосившаяся коробка будто не хотели выпускать прошлое из его скорлупы. Наконец мёрзлый воздух ворвался в затхлое жилище, смахивая пыль, газеты и платок с плеч Нины. Та стояла, упираясь спиной в стену, и всматривалась в сумерки подслеповатыми глазами, будто ища то, что забыла там, в прошлом, а может и не забыла, но тщетно искала в будущем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.